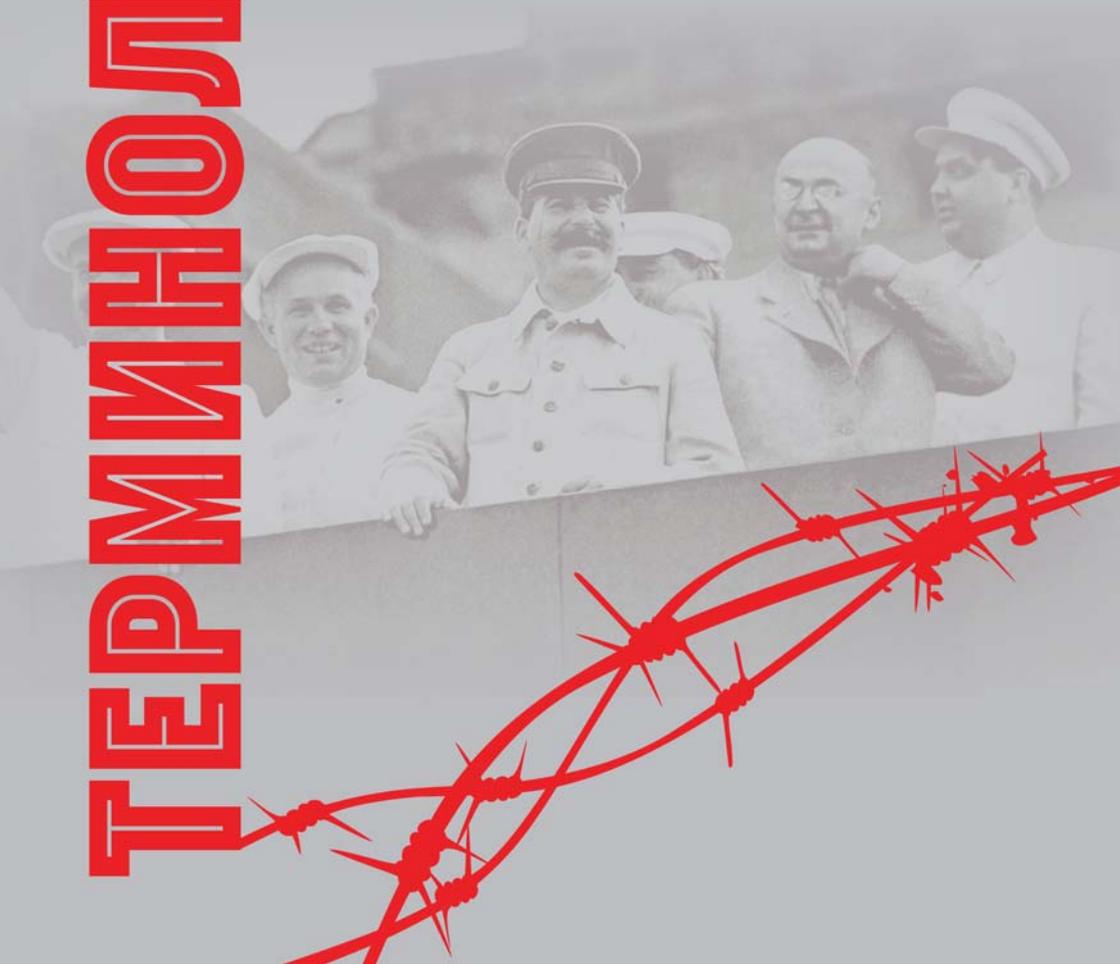

Д.М. ФЕЛЬДМАН

ВЛАСТИ

СОВЕТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

ТЕРМИНОЛОГИЯ

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Ф39

Рецензент:

Е.Н. Басовская — доктор филологических наук, профессор;
А.Л. Юрганов — доктор исторических наук, профессор

Ответственный редактор:

О.И. Киянская — доктор исторических наук, профессор

Консультант:

А.П. Кожарин

Фельдман Д.М.
Ф39 Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте / Д.М. Фельдман. — М. : ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2015. — 480 с.

ISBN 978-5-91134-992-9 (ФОРУМ)

ISBN 978-5-9905539-6-5 (НЕОЛИТ)

Книга профессора Российского государственного гуманитарного университета Д. М. Фельдмана посвящена истории политической терминологии советской эпохи. Исследуются методы управления, точнее, манипулирования общественным сознанием. Поэтапно прослеживается, как формировались терминологические системы, посредством которых советские, а затем постсоветские идеологи задавали или меняли отношение к историческому прошлому и формировали представления о желаемом будущем. Особое внимание уделено юридическим аспектам использования политических терминов. На многочисленных примерах анализируется сама технология наиболее эффективных манипуляций.

Книга адресована историкам, филологам, правоведам, политологам, социологам, культурологам, журналистам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами отечественной политической истории.

УДК 82(091)

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91134-992-9 (ФОРУМ)
ISBN 978-5-9905539-6-5 (НЕОЛИТ)

© Фельдман Д.М., 2015
© Издательство «ФОРУМ», 2015
© Издательский дом «НЕОЛИТ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
От власти слов к словам власти	9
Перспектива и ретроспектива	12
Часть I. «КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ»	
И «КОЛЛЕКТИВНОЕ РУКОВОДСТВО»	15
Синонимы, антонимы и терминологический нонсенс	15
От личности к культу: предыстория	18
Романтики и социалисты	21
От культа героев до культа личности	26
Культ личности: утверждение понятия	29
Сталин и культ личности	33
Терминологические новации	35
Проходной термин	38
Культ личности: старая новость	42
Оплошности и уловки	46
Видимость поиска	48
Колебания генеральной линии	52
Утверждение новаций	56
Часть II. «РЕАБИЛИТАЦИЯ»	62
Имя эпохи	62
Происхождение термина	64
Российская традиция	69
Советская традиция: право и политика	71
Чистка и реабилитация	74
Советская традиция: пропагандистская прагматика	79
Обновление терминологии	83
Допустимые издержки	87
Партийно и юридически	89

Законно и по закону	92
Дата рождения	97
Процедура утверждения	99
Мифологизация	103
Часть III. «РЕПРЕССИИ»	110
Характеризующий термин	110
Курьезы словоупотребления	115
Происхождение понятия	119
Российская традиция	123
Незаконные законы	126
Новая старая терминология	133
Французская традиция и русские последователи	137
Якобинцы и неоякобинцы	145
Традиция и прагматика	148
Стертая грань	153
Чрезвычайнее чрезвычайного	156
Репрессии: административные параллели	159
Советская традиция: подмена понятий	164
Терминологические новации	168
Советская традиция: замена термина	172
Неудачная попытка	175
Очередные новации	179
Рекомендации вождя	184
Запретные термины	188
Терминологическая путаница	194
Терминологический тупик	199
Тупиковая магистраль	204
Возвращенный статус	206
Энциклопедические парадоксы	209
Необходимая ненужность	214
Процедура отречения	218
Повторение пройденного	221
Терминологические ловушки	224
Совмещение несовместимого	228
Расширительное сужение	230
Две нормы	233
Основной элемент	237
От прагматики — к фразеологии	241

Часть IV. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ	247
Многосортная законность	247
Пропавшие синонимы	250
Законность и революция	253
Упразднение законности	256
На стыке традиций	260
Неудобная свобода	263
Законы и законность	267
Пролог дискуссии	270
Революционная законность: утверждение термина	272
Ведомственная полемика	275
Революционная законность и репрессии: подведение итогов	281
Новая дискуссия	285
Ленинская риторика и революционная традиция	288
Споры о законности	292
Уловки и маневры	297
Революционная законность и партийная оппозиция	300
Революционная законность и семья	306
Литература и право	313
Режиссура полемики	316
Словарные итоги	321
Борьба за первенство	327
Революционная законность и советская традиция	331
Революционная законность и «коллективизация»	335
Выдвиженец основоположника	338
Новая законность нового этапа	344
Новая парадигма	346
Нереализованная схема	351
Революционная законность и социалистическая законность	353
Терминологические игры	356
Восстановленная справедливость	358
Неуместно революционная	360
Замены и подмены	364
Изменение парадигмы	368
У рубежа	371
Возвращение термина	375
Правильные ошибки	378

Законность первого сорта	381
Опять революционная	385
Неизгладимые следы	389
Потерянные термины	392
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	394
Строительный материал	394
Советский долгострой	399
На руинах долгостроя	403
Приложения	412
<i>Приложение I.</i> Идеологема «декабристы» в русской, советской и постсоветской культуре	412
<i>Приложение II.</i> Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте	432
<i>Приложение III.</i> «Партизаны» в отечественных и прочих войнах	446
ПРИМЕЧАНИЯ	459

ВВЕДЕНИЕ

ОТ ВЛАСТИ СЛОВ К СЛОВАМ ВЛАСТИ

В современной гуманитарной ситуации вопрос о политических терминах — один из наиболее актуальных.

Как известно, политические события осмысляются в терминах, однако многие термины далеко не нейтральны. Весьма часто термины, используемые для описания политических событий, маркированы, эмоционально окрашены. Соответственно, передающий информацию задает изначально — посредством термина — эмоциональное отношение к описываемым событиям. Утверждается оно тоже терминологически. Что не всегда очевидно и передающим, и воспринимающим информацию. Весьма часто маркированные политические термины — часть какой-либо идеологии. Целенаправленное использование маркированных терминов-идеологом было и остается средством управления массовым сознанием. Средством эффективных манипуляций.

Это закономерно. Термин легко запоминается, легкость запоминания и, соответственно, распознавания создает иллюзию понимания. Такие иллюзии заменяют понимание, которое возможно только как результат собственного анализа. Самостоятельный же анализ информации — занятие достаточно трудоемкое, часто еще и требующее специальных навыков. Потому у большинства, условно говоря, потребителей не вызывают протеста своеобразные «подсказки», способствующие возникновению иллюзии понимания. Особенно когда «подсказки» неявные — на уровне привычных терминов. Тогда они и не осознаются в качестве «подсказок», а их использование не воспринимается как целенаправленное манипулирование.

Конечно, терминология, в частности, политическая терминология, уже давно стала объектом научного изучения. Считается, что сложилось и отечественное научное направление — терминоведение. Но авторы работ в указанной области преимущественно обсуждают

идеи корректного построения и/или корректного использования термина, в результате чего исследования сводятся к поиску некоего изначального — «правильного» — понимания. В общем, **понять**, значит, **запомнить**. Дав «правильные» имена, запомнить, что и как именовать «правильно».

Это нельзя оценивать в категориях «плохо» или «хорошо».

Немало случаев, когда такой подход — единственно возможный. К примеру, если необходима своего рода инвентаризация терминологии в какой-либо области естествознания, техники, права.

Однако такой подход к политическим терминам почти всегда непродуктивен. Это проявление так называемого вербализма: уверенности носителей языка, что абстрактные понятия **всегда** отражают некие сущности. Если шире — уверенности, что употребляемому слову **всегда** соответствует одно и то же понятие, а понятию **всегда** соответствует один и тот же объект или одна и та же совокупность объектов.

По мнению ряда историков лингвистики и философии, преодоление вербализма в западноевропейской культуре — столетиями продолжавшийся процесс, не завершённый и ныне. В отечественной же культуре после создания советского государства ситуация складывалась принципиально иначе. Как именовать «правильно» — решали идеологи¹.

Разумеется, язык советской эпохи в целом и специфику советской терминологии в частности изучали еще с 1920-х годов. И советские специалисты, и специалисты, оказавшиеся за пределами советского государства.

Но в СССР исследования подобного рода не поощрялись и в 1920-е годы. По той хотя бы причине, что их публицистическую направленность авторы не всегда могли скрыть. А к началу 1930-х годов исследования стали, по меньшей мере, неуместны. И порою отечественным ученым приходилось маскировать интерес к отечественной политической терминологии экскурсами в историю западноевропейской культуры.

Ситуация несколько изменилась в конце 1950-х годов, но и двадцать лет спустя исследования были весьма затруднены в силу цензурных ограничений, почему авторам и приходилось нередко использовать прежние уловки. Интерес к собственно политическим факторам надлежало маскировать.

Лишь ко второй половине 1980-х годов цензурный прессинг стал постепенно слабеть, ну а после распада СССР подобного рода ограничения вовсе утратили актуальность.

О языке советской эпохи и специфике советской терминологии написаны — иностранными и отечественными учеными — сотни статей и десятки монографий. Если же учитывать еще и основные работы, относящиеся к теоретическим вопросам терминоведения, равным образом, некоторым аспектам терминоведческой практики в гуманитарных науках, нужно признать, что даже самый краткий обзор самых важных публикаций стал бы по объему сопоставим с этой книгой. Вот почему в рамках книги от обзора целесообразно отказаться.

Исследователями сделано уже много и многое делается. Но преодоление вербализма — процесс едва начавшийся².

Дело в том, что проблема обычно не осознается именно как проблема. Вербализм — в сформулированном выше понимании термина — неотъемлемая часть советской культуры, сложившейся под влиянием многолетнего диктата идеологии.

Понимание термина — в рамках советской культуры — подменялось привычкой использовать термин. Своего рода инерция сохранилась и в постсоветскую эпоху. И это далеко не безопасно. В особенности — когда речь идет о терминах, содержащих компоненту идеологического свойства.

Соответственно, изучение политической терминологии — задача сложная, многоаспектная, решаемая на междисциплинарном уровне.

Это подразумевает, во-первых, изучение ключевых образцов словоупотребления, описание динамики словоупотребления, во-вторых, изучение причин, обусловивших изменения, наконец, изучение самой техники использования термина³.

Принципиально новизны тут нет. В частности, Р. Кебнер называл это «семантическим подходом к истории»⁴.

Такой подход исследователями античности и средневековья считается традиционным. Но он крайне редко используется при изучении документов новой и новейшей истории.

Впрочем, благодаря работам Р. Козеллека этот подход тоже становится традиционным. Соответственно, влиянию вербализма противостоит «археология понятий»⁵.

Стоит подчеркнуть еще раз: политическая терминология — инструмент. Часть политической технологии. В этом аспекте, используя заглавие хрестоматийно известной книги А. Авторханова «Технология власти», советскую политическую терминологию можно характеризовать как «терминологию власти»⁶.

ПЕРСПЕКТИВА И РЕТРОСПЕКТИВА

Носители власти, использующие политические термины в качестве средства манипуляции, сами довольно часто попадают под власть своей терминологии. Стало быть, уместен вопрос не только о «терминологии власти» но и о «власти терминологии». О «словах власти» и «власти слов»⁷.

В указанном аспекте советская политическая терминология — наиболее интересна. Более того, еще и наиболее удобна для изучения: она утверждалась в условиях государственной монополии на средства массовой информации, что многократно усиливало эффект ее использования. «Помехи» извне были практически устранены. Оппоненты, обладавшие соизмеримыми возможностями информационного воздействия, как правило, отсутствовали.

Советские идеологи создали специфический язык для описания истории советского государства, его политики. И созданный ими язык по-прежнему актуален в постсоветской России.

От него не отказываются те, кто провозглашают себя сторонниками советской идеологии, равным образом, считающие себя ее противниками. Споры об оценках мало что меняют.

Таким образом, предмет исследования в данной работе — технология манипулирования общественным сознанием.

Объект исследования — советская политическая терминология.

Хронологические рамки в целом обусловлены выбором объекта.

С учетом междисциплинарного характера работы использование специальной терминологии минимизировано.

Источниковая база — опубликованные и неопубликованные российские, советские и постсоветские официальные документы, массовые и специализированные периодические издания, справочные издания, учебные пособия, работы правоведов, философов, историков и филологов, художественные произведения, материалы эпистолярного характера, мемуаристика.

Особое внимание уделяется материалам советской периодики, справочных изданий, учебных пособий, законодательных актов, а также иным официальным документам, предназначенным для публикации. Что обусловлено, прежде всего, советской спецификой: как правило, именно эти источники — на момент подготовки к публикации — отражали официальную точку зрения, официально утвержденное понимание используемых в них политических терминов.

Своего рода центр исследования — доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС.

Выбор «центра» никоим образом не обусловлен стремлением участвовать в многолетней полемике о хрущевских или послехрущевских оценках деятельности И.В. Сталина. Доклад выбран, прежде всего, в качестве хрестоматийного примера эффективнейшего использования терминов-идеологем для воздействия на массовое сознание.

Равным образом — как хрестоматийный пример воздействия идеологием на сознание тех, кто использует такие манипулятивные средства.

Именно в докладе Хрущева была выстроена пропагандистская схема, положенная в основу новой парадигмы советской истории⁸.

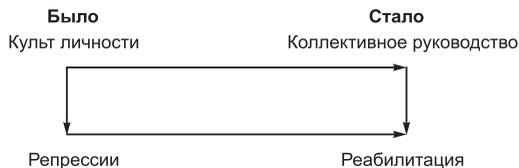
Выступая на XX съезде КПСС, Хрущев говорил о трех эпохах советской истории. Первая эпоха, можно сказать, «мифологизированная», традиционно ассоциировалась с деятельностью В.И. Ленина. Вторая, сталинская, характеризовалась как постепенное отступление от неких «ленинских идей», от правил, установленных идеальным политическим лидером. Третья, начавшаяся после смерти Сталина, объявлялась эпохой возвращения к неким идеальным ленинским установлениям.

Идея начала новой эпохи, отчасти противопоставлявшейся сталинской, была выражена новой пропагандистской схемой.

Эта схема была проста и потому легко запоминалась. Состояла она из четырех основных, попарно связанных идеологем. Все вместе — своеобразный «четыреугольник». *Культ личности, коллективное руководство, реабилитация, репрессии.*

Было: *культ личности.* Что и **выражалось** в *репрессиях.*

Стало: *коллективное руководство.* И это **выражается** в *реабилитации* (рис. 1).

Рисунок 1

Все перечисленные идеологемы были утверждены в качестве обязательных — если (и когда) речь шла о советской истории. Термины *культ личности* и *репрессии* были использованы как негативные оценки, термины *коллективное руководство* и *реабилитация* утверждались в качестве положительных оценок. При этом советские идеологи так

и не объяснили, что же они именуют *культом личности*, *репрессиями*, *коллективным руководством* и *реабилитацией*.

Советские идеологи обошлись без поисков логически корректных определений. Конечно, не по оплошности. Нужды в определениях не было, потому что не было нужды в понимании. Схема не для понимания предлагалась. Наоборот, понимание сути политических событий надлежало заменить распознаванием знакомых элементов схемы. Понимать тут ничего и не следовало, достаточно было запомнить, заучить. Иллюзия понимания создавалась благодаря распознаванию многократно виденного и потому казавшегося известным, в силу чего и понятным.

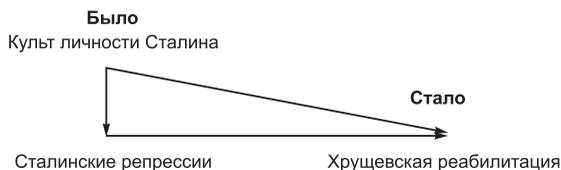
Правда, вскоре после XX съезда Хрущев отстранил многих высокопоставленных функционеров от власти. Он стал единственным лидером единственной политической партии. Но схема все равно оставалась неизменной. Она не менялась и после отстранения самого Хрущева от власти.

В массовой периодике, научных работах, справочных изданиях и учебниках, пусть реже, чем в хрущевскую эпоху, но все-таки сообщалось о *культе личности* и *репрессиях*, *коллективном руководстве* и *реабилитации*. Лишь на исходе 1980-х годов, когда советская парадигма истории утратила актуальность, пропагандистская схема осмысления сталинской и хрущевской эпох изменилась. Термин *коллективное руководство* практически не использовался в массовой периодике, зато о *культе личности*, *репрессиях* и *реабилитации* упоминания были постоянными.

Соответственно и схема стала трехчастной.

Было: *культ личности*. Что и выражалось в *сталинских репрессиях*.

Стало: *хрущевская реабилитация* (рис. 2).

Рисунок 2

Однако целесообразно начинать изучение пропагандистской схемы в той форме, что была предложена Хрущевым на XX съезде КПСС. Именно при анализе истории терминов — на уровне предложенной Хрущевым оппозиции «было/стало» — наиболее отчетливо прослеживается характер манипулятивной технологии.

Часть I

«КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ» И «КОЛЛЕКТИВНОЕ РУКОВОДСТВО»

СИНОНИМЫ, АНТОНИМЫ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ НОНСЕНС*

Вот уже более полувека в рамках советской, а затем и постсоветской традиции термин *культ личности* соотносится с оценкой деятельности Сталина, причем заведомо негативной оценкой. И принято считать, что так называемое *развенчание культа личности*, или *разоблачение культа личности* — один из важнейших признаков начала той эпохи, символом которой стал XX съезд КПСС.

Историки спорят, кто был истинным инициатором *разоблачения культа личности* — Н.С. Хрущев, Г.М. Маленков или же Л.П. Берия. Но вне дискуссий остается вопрос о причинах, в силу которых именно термин *культ личности* был выбран для негативной оценки деятельности политического лидера. «Вождя»¹.

Несмотря на то, что доклад Хрущева, прочитанный делегатам XX съезда 25 февраля 1956 года, был озаглавлен «**О культе личности и его последствиях**», использование термина *культ личности* для оценки сталинской деятельности еще не было тогда привычным. Вот почему, едва упомянув о *культе личности*, докладчик специально пояснил, в каком значении термин используется: «После смерти Сталина Центральный комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в

---

* При подготовке этой части использованы работы, написанные в соавторстве с М.П. Одесским. См. например: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика «оттепели»: Материалы к изучению пропагандистской модели XX КПСС: Идеологема «культ личности» // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 75—114.

какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать, он непогрешим в своих поступках. Такое понятие о человеке и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас уже много лет»².

Согласно Хрущеву, *культ личности* — многолетняя кампания восхваления, возвеличивания, чуть ли не обожествления Сталина, прекратившаяся после смерти лидера.

Позже термин понимался гораздо шире, но сначала «рамки» были заданы так.

Аналогично истолкован Хрущевым и другой термин — *культ личности Сталина*: «Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего, и для будущего партии, — речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности»³.

Термины *культ личности* и *культ личности Сталина* после XX съезда были официально утверждены в качестве синонимов. Антонимы — термины *коллективное руководство* или же *коллективность руководства*. На чем и строилась аргументация в докладе Хрущева. Докладчик сразу подчеркнул, что «не все еще представляют себе, к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был принесен нарушением принципа коллективности руководства в партии»⁴.

После XX съезда КПСС обязательным стало для оценки деятельности Сталина употребление терминов *культ личности Сталина* и *культ личности*. С этой целью они и были использованы докладчиком.

Вряд ли нужно специально доказывать, что для руководителей советских средств массовой информации опубликованные материалы съезда были своего рода инструкцией: раз уж кампания восхваления умершего лидера определена в терминах *культ личности* и *культ личности Сталина*, значит, именно в таких, а не иных терминах надлежало определять это отныне и навсегда. Что и делалось.

В постсоветскую эпоху о *коллективном руководстве* вспоминают редко. А вот термины *культ личности* и *культ личности Сталина* в ходу и ныне. Их постоянно используют отечественные историки и публицисты. Но при этом — в силу инерции словоупотребления — игнорируются весьма важные обстоятельства.

Если слово *культ* в качестве метафоры вполне уместно, когда речь идет о восхвалении, почитании, чуть ли не обожествлении кого-либо, то слово *личность* тут явно не к месту. Подразумевается ведь почитание вполне конкретного лица, а не личности. В подобных случаях *лицо* и *личность* — не синонимы.

Как известно, слово *личность* с 1820-х годов означало и сейчас означает совокупность качеств человека, индивидуально ему присущих черт характера. Разграничение на терминологическом уровне понятий *лицо* и *личность* принято давно и повсеместно. Здесь русская традиция воспроизводит европейскую, а европейская — позднелатинскую. К примеру, в немецком издавна различались понятия *Person/ Persoenlichkeit*, соответствующие латинским *persona/personalitas* и т. д.⁵

Более того, в русской традиции термин *культ личности* вообще не соотносился с восхвалением, возвеличиванием какого-либо конкретного лица. Напротив, подразумевалось *провозглашение личности как таковой, индивидуальности — высшей ценностью, самодостаточной ценностью*.

Таким образом, использование термина *культ личности* по отношению к Сталину, да и вообще к любому *поименованному* лицу противоречило и противоречит русской культурной традиции. Это — во-первых.

Во-вторых, учитывая, что термин *культ личности Сталина* предназначался для использования в пропагандистских целях, нельзя не признать: он явно неудачен. Потому что избыточен.

Как бы ни понимали слово *личность* советские идеологи 1950—1980-х годов, пропагандистская кампания возвеличивания, восхваления, чуть ли не обожествления Сталина могла быть названа короче и проще: **культ Сталина**. Очевидно же, что суть кампании определяет слово *культ*, а имя — *Сталин* — указывает объект почитания, возвеличивания. Коль так, слово *личность* — ни при чем. Нефункциональный элемент.

Привычны в рамках русской культурной традиции такие обороты, как, например, «культ Вольтера» или же «культ Наполеона». Указание имени объекта поклонения, почитания — обязательно в данном контексте. Однако о «культе личности Вольтера» или о «культе личности Наполеона» упоминаний нет.

Выбор сокращенного варианта — **культ Сталина** — выглядел бы естественным. Даже с точки зрения пропаганды это было бы целесообразно. Легче запоминается, легче произносится. Но как раз такой вариант выбран не был.

Советские идеологи настаивали на *культе личности* и *культе личности Сталина*. Почему и уместно предположить, что тут особенно важны были ассоциации, вызываемые словом *личность*. Исторически обусловленные ассоциации.

ОТ ЛИЧНОСТИ К КУЛЬТУ: ПРЕДЫСТОРИЯ

Проблемы, связанные с историей такого понятия, как *личность*, издавна привлекали внимание многих отечественных ученых. Например, системно, хотя и абрисно, история эта описана В.В. Виноградовым, обобщившим достижения предшественников и современников.

Суммируя результаты анализа истории литературного языка, Виноградов отмечал: «В древнерусском языке до XVII в. не было потребности в слове, которое соответствовало бы, хотя отдаленно, современным представлениям и понятиям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству и родине, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Конечно, некоторые признаки личности (например, единичность, обособленность или отдельность, последовательность характера, осознаваемая на основе тех или иных примет, сконцентрированность или мотивированность поступков и т. д.) были живы, очевидны и для сознания древнерусского человека. Но они были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека, человеческой особи (*человек*, *людие*, ср. *людин*, *лице*, *душа*, *существо* и некоторые другие). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие о единичной конкретной личности, индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеческом “я” как носителе социальных и субъективных признаков и свойств»⁶.

Не только до середины XVII века, но и во второй его половине, когда слово *личность* — отвлеченное существительное, результат субстантивации прилагательного *личный* — уже вошло в обиход, оно не стало термином. По мнению Виноградова, не было для этого необходимых условий и в период интенсивного развития светской литературы.

А вот на исходе XVIII века за словом *личность* уже закрепилось ныне привычное значение — *совокупность индивидуально присущих качеств, черт характера, определяющих человека*.

Это значение станет основным, ведь одновременно слово *личность* употреблялось еще в нескольких значениях, причем выбор каждого был обусловлен контекстуально.

Личность — еще и *некий субъект, особа, некий человек*.

В данном случае контекстуально обусловлена синонимичность понятия *лицо* и понятия *личность* — в его основном значении.

Личностью называли и *личное отношение*, т. е. *привязанность, пристрастие*, прязнь или же *неприянь* какого-либо лица к другому лицу, а точнее — *действие в интересах определенного лица или вопреки интересам определенного лица по причине личного отношения*. Отсюда, собственно, и ныне утратившая первоначальный смысл поговорка, фиксируемая В.И. Далем в связи понятием *личность*: «Служба с личностями не несовместна».

И, наконец, *личность* — *личное оскорбление*, т. е. *оскорбление какого-либо лица, какой-либо особы*, равным образом, *оскорбительные для какого-то лица намеки*. Что, кстати, тоже фиксируется Далем.

Примеры использования слова *личность* в таких контекстуально обусловленных значениях встречаются довольно часто и в публицистике А.С. Пушкина.

Так, в марте 1829 года он написал статью «Отрывок из литературных летописей», где анализировал историю журнальной полемики двух известных литераторов, один из которых подал жалобу на цензора, разрешившего другому якобы оскорбительную публикацию. Обидевшийся литератор, подав жалобу, сообщил читателям в специальной статье, что прекращает всякие споры с обидчиком. Потому как уже принял «другие меры к охранению своей личности...».

Цитата, приведенная Пушкиным, была лишним подтверждением того, что жалобщик не в ладах с русским языком. Благодаря слову *личность*, употребленному в значении *лицо, особа*, фраза у жалобщика получилась не только излишне высокопарной, но и просто нелепой. Никто ведь и не покушался на его *особу*.

Потому-то, как иронически отметил Пушкин, цензор жалобу счел необоснованной и доказал, что критические отзывы о научной и литературной деятельности жалобщика нельзя признать личным оскорблением — *личностью*. Нелепость жалобы, по словам Пушкина, усугублялось еще и тем, что сам жалобщик «дозволял себе личности в своих критических статейках»⁷.

В связи с этой полемикой была написана и эпиграмма на жалуобщика, тоже построенная на обыгрывании значений слов *личность* и *лицо*.

Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав, нам смех, зоилу нос.
Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: *Такой-то де старик*
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол и подл: все это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовер
(*В своих статьях*) бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат.
Тут не лицо, а только литератор⁸.

Пушкин откровенно забавлялся игрою слов: получалось, что косноязычный литератор обеспечивал доносом «охранение своей личности» от *личностей* в свой адрес, потому как подобные *личности* считал *неприличностью*, однако себе всегда разрешал *личности*, не видя тут *неприличности*. Двойной стандарт, как сказали бы сейчас.

Отметим, что пушкинская игра постольку стала возможной, поскольку за словом *личность* утвердилось ныне привычное значение — *совокупность индивидуально присущих качеств, черт характера, определяющих человека*. А потому употребление слова в значении *лицо, особа* уже тогда выглядело стилистической погрешностью, ну а в значении *оскорбительный намек, оскорбление* — чуть ли не архаизмом.

Пушкин в данном случае ориентировался на читателя, знакомого с традицией романтизма. К середине 1820-х годов слово *личность* — в основном значении — устойчиво ассоциировалось с романтической литературой и немецкой философией.

Как известно, для писателей-романтиков характерно изображение героя, противостоящего обществу и миру в целом, героя-мятежника.

Романтический *культ героев*, аналогично и *культ гениев*, — эти термины утвердились в обиходе — значительный фактор в процессе формирования романтической концепции *личности*. У романтиков *личность* — последнее прибежище духовности.

Романтическая *личность* — в идеале — *гений*, не приемлющий современное ему общество и мир, это *герой*, пытающийся преобразовать

их. Что воспринималось уже как общекультурная установка, когда романтизм стал господствующим умонастроением не только в литературе и философии, но и в живописи, музыке и т. д. А.Н. Веселовский, характеризуя сложившуюся тогда ситуацию, писал в начале XX века, что «гении мощи» — Kraftgenies — «сознают себя свободными от всех рассудочных суеверий, которые до тех пор считались нормой жизни; из мещански-растворенной условной культуры их тянет к природе, к народу и его песне, к идеализованной народной старине, в простор всемирной поэзии, к обновлению литературных форм».

Отсюда и следовало, что у истинных романтиков особое мировоззрение. Им, по словам Веселовского, «гениям», «противен всякий догматизм, они жаждут простора, полны самосознания, хотят взять жизнь полностью и любить реально».

Разумеется, Веселовский обосновывал свои выводы цитатами. Например, суждением теоретика романтизма Я. Ленца: «Мы боги, мы свободны»⁹.

С исследователем романтизма солидаризовался почти полвека спустя Г.А. Гуковский. Он, правда, постоянно подчеркивал, что в отношении к понятию *личность* романтики продолжали и развивали традицию сентиментализма, противопоставляя ее традиции классицизма. Но — при всех нюансах — почитание *индивидуальности* стало для сентименталистов и романтиков общим лозунгом. В любом случае ставилась «во главу угла проблема личности и индивидуальности».

Аналогичны были и ограничения. Так, отменялся «культ общего во имя культа частного»¹⁰.

Впрочем, соглашаясь с Л.Я. Гинзбург, необходимо уточнить, что сентименталистско-романтическая трактовка понятия *личность* не подразумевала отрицания общих ценностей: «Романтическая личность, при всем ее индивидуализме, мыслилась непременно обогащенной внеличными ценностями, которыми она обосновывает свою собственную ценность. Проповедь чистого произвола стала возможна только гораздо позднее, в эпоху декадентства»¹¹.

РОМАНТИКИ И СОЦИАЛИСТЫ

Специфические представления романтиков о *личности* были обоснованы и философски.

Особую популярность в XIX веке, как известно, приобрело учение Г. Гегеля о сути и философском значении истории, подразуме-

вавшее разделение индивидов на «воспроизводящих» и «всемирно исторических». Первые пассивны исторически, вторые же, будучи орудиями «мирового духа», творят историю, они — *герои*, движущая сила истории.

С точки зрения итогов осмысления европейскими и русскими интеллектуалами гегелевской концепции показательна ее суммирующая характеристика, которая предложена Н. Гартманом в книге «Проблема духовного бытия: Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе». Она была впервые опубликованной в 1933 году.

Автор подчеркивал, что «ни каждый в отдельности, ни толпа в целом не знают, чего они собственно “хотят” добиться своими желаниями и стремлениями. Но все великое в истории происходит там, где оно входит в сознание и является целью свободного самопожертвования личности. Поэтому важно, чтобы толпе говорили, “что она в действительности хочет”. Это — задача и дело исторически великих индивидуумов»¹².

Именно описание, изучение *героев*, по мнению Гегеля, должно было стать основной задачей историков. Традиция романтизма, анализируемая и высоко ценящая Гегелем, предполагала принцип разделения индивидов не по сословиям, но по личным качествам.

Понятно, что первенство здесь не гегелевское, он лишь наиболее четко изложил некоторые идеи, присущие романтикам, да и ранее формулировавшиеся другими философами и писателями.

Концепции, так или иначе связанные с гегелевской, постоянно обсуждались в Европе и России. Популярен, в частности, был и Б. Бауэр.

Начинал он как ортодоксальный гегельянец, а затем стал противником Гегеля. Его концепция «критических личностей», стоящих — в силу своих личных качеств — над народом, над пассивными массами, а потому преобразующих общество и мир в целом, была вполне созвучна романтизму. Кроме того, один из популярнейших европейских литераторов середины XIX века — Т. Карлейль — выпустил в 1841 году книгу с характерным заглавием «Герои, культ героев и героическое в истории» («On Heroes, Hero-Worship, and the Heroic in History»). Подобного рода концепции создавались тогда и другими учеными.

В России они были переосмыслены — применительно к русским революционным учениям. Своего рода евангелием учащейся молодежи стала созданная социалистом П.Л. Лавровым концепция

«критически мыслящих личностей». Подробно она изложена в «Исторических письмах», впервые опубликованных петербургской газетой «Неделя» в 1868—1869 годах и позже неоднократно переиздававшихся.

Согласно Лаврову, смысл прогресса, смысл истории — максимально полное развитие *личности*: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом».

Индивиды же исторически делятся на мыслящих пассивно и мыслящих критически. Пассивно мыслящие — инертная масса, народ, толпа. Они всего лишь сырье, материал истории. А *критически мыслящие личности* — движущая сила прогресса: «Личность считает себя вправе и в силах низвергнуть как идола то, что остальная масса общества признает святынею».

Критически мыслящая личность — тот, кто сумел освободиться от пассивного подчинения ценностям своего времени. Тот, кто возвысился над современным ему обществом посредством работы мысли: «Как ни мал прогресс, но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях».

Однако, настаивал Лавров, развитие каждой *критически мыслящей личности* возможно лишь в качестве результата труда поколений. Труд *народа*. Потому что *народ*, терпя лишения, создает почву для развития *критически мыслящих личностей*. Они, пользуясь этими условиями, создают культуру. Ее фундамент — страдания миллионов. Это нельзя исправить. И все же *критически мыслящая личность* не может и не должна отказываться от своего развития. Ведь развитие — идеал, побуждающий к деятельности. Отсюда — идея долга *народу*. Долга, который должна возвернуть каждая *критически мыслящая личность*. И характерно, что *критически мыслящая личность* отдает долг *народу*, находя радость в самоотречении: «Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю само развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем. Если я развитой человек, то я обязан это сделать, и эта обязанность для меня весьма легка, так как совпадает именно с тем, что составляет для меня наслаждение. Отыскивая и распространяя более истин, уясняя себе справедливейший строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное наслаждение и в то же время делаю все, что могу, для страждущего большинства в настоящем и будущем».

Итак, судьба лавровской *критически мыслящей личности* — противостояние обществу и государству. При этом Лавров не использовал в своих пропагандистских конструкциях карлейлевское учение. Для Лаврова Карлейль отнюдь не единомышленник. Потому что Лавров социалист, а Карлейль — отнюдь не социалист. Он романтик. Ну а романтическое мировосприятие принято было характеризовать как индивидуализм, который социалисты осуждали.

Зато — с точки зрения пропагандистской прагматики — было вполне приемлемым использование некоторых элементов авторитетной для многих интеллектуалов романтической концепции *личности*. Концепции, ассоциирующейся с противостоянием индивидуума обществу, что всегда привлекает радикалистски настроенную молодежь.

Социологические и политические теории Лаврова популяризировал и полемически интерпретировал Н.К. Михайловский. Наряду с Лавровым он признается идеологом народничества — и в период развития, и в период упадка этого многосоставного идеологического течения.

Широкую известность Михайловскому принесла статья «Что такое прогресс?» Она была опубликована журналом «Отечественные записки» в 1869 году. А хрестоматийной — в аспекте идеологии народничества — признается статья «Герои и толпа», опубликованная тем же журналом в 1883 году. Примечательно, что уже в заглавиях Михайловский использовал понятия, хорошо известные всем читателям Лаврова.

Но если Лавров умерял пафос романтического индивидуализма идеей долга *критически мыслящей личности*, долга народу, то Михайловский вообще стремился лишиться образ *героя* привлекательности.

Герой — по Михайловскому — социологический термин, обозначающий вождя *толпы*. Научный термин, вроде бы, не должен быть маркированным, не должен подразумевать указание на положительную или отрицательную оценку. Однако в публицистике Михайловского подразумевалась преимущественно отрицательная оценка, хотя сам Михайловский и пытался маскировать это: «*Героем* мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. *Толпой* будем называть массу, способную увлекаться примером опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным. Не в похвалу, значит, и не в поругание выбраны термины “герой” и “толпа”».

В концепции Михайловского весьма сомнительный *герой* противопоставлен *личности*, т. е. «индивидуальности, права которой есть высшая ценность в чаемом обществе будущего»¹³.

Личность — по Михайловскому — любая индивидуальность, каждый человек, развитие, свободное самовыражение которого и составляет суть общественного прогресса. Романтический индивидуализм Карлейля, по Михайловскому, вряд ли совместим с идеями социального равенства. Потому социалист Михайловский не приемлет саму идею религиозного почитания кого-либо, поклонения кому-либо, саму идею *культы героя*. Да и термин тоже.

Соответственно, когда в России рубежа XIX—XX веков снова начинают обсуждать весьма кстати переведенные сочинения Карлейля, Михайловский, как и положено радикалу, спорит со сторонниками Карлейля.

Особо резко полемизировал Михайловский с В.И. Яковенко, переводчиком Карлейля. В переводе Яковенко трактат Карлейля издавался в 1891, 1898, 1908 годах. И Михайловским было отмечено, что Яковенко «избегает выражения “культ героев”, которое у нас уже давно и совершенно правильно установилось по отношению к Карлейлю»¹⁴.

Это, настаивал Михайловский, отнюдь не случайность, ведь карлейлевская концепция, адекватно выраженная термином *культ героев*, подразумевает именно индивидуализм. *Герой* — по определению — не равен людям обычным, *народу*. Русский же переводчик, в отличие от французского, маскировал индивидуалистическую направленность учения Карлейля. По словам Михайловского, французский переводчик «не затруднился перевести слово hero-worship, по крайней мере, в заглавии. Французский перевод книги Карлейля озаглавлен совершенно так же, как и английский оригинал: “Les heros, le culte des heros et l'heroique dans l'histoire”. Г-н же Яковенко назвал книгу “Герои и героическое в истории”, совсем пропустив смущающее его выражение. Впрочем, в своей вступительной статье, перечисляя сочинения Карлейля, г-н Яковенко дает другое заглавие, на этот раз уже слишком распространенное: “О героях, почитании героев и героическом периоде (?) в истории”. Но, не говоря уже о неуместности в данном случае какого-то “героического периода”, выражение “почитание героев” слишком слабо для передачи строя мысли Карлейля, и я полагаю, что “культ героев” как был, так и остается словом, наиболее подходящим»¹⁵.

Суть ныне уже не вполне внятных инвектив Михайловского была ясна современникам, знавшим контекст полемики. Индивидуализм — то дурное, что содержит привлекательная для многих концепция Карлейля. Вот и не надо маскировать дурное. Не надо скрывать правду.

Тем не менее карлейлевская концепция *героя* была и оставалась весьма привлекательной для русских радикалов. Применительно к русским условиям она трансформировалась в концепцию *героической личности*, увлекающей *народ* на борьбу за социальные преобразования. Эта концепция стала теоретической основой тактики «индивидуального террора», практиковавшейся партией «Народная воля» на рубеже 1870—1880-х годов. И партия социалистов-революционеров, провозгласившая себя преемницей «Народной воли», а террор — одним из важнейших средств политической борьбы, в значительной мере унаследовала соответствующие идеологические установки народовольцев. Прежде всего — концепцию *героической личности*.

Это закономерно. Пусть индивидуализм и противоречил самой идее социализма, но прагматика, интересы пропаганды важнее теоретических разногласий. Пропагандистская концепция должна быть простой и доходчивой. Она должна быть привлекательной. Вот что главное.

ОТ КУЛЬТА ГЕРОЕВ ДО КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

Привлекательность концепции обусловила ее широкое использование.

В конце концов, теория социализма осмыслялась единицами. На практике же теоретикам народничества вновь и вновь приходилось убеждать молодых радикалов, что тот, кто революции ради убивает министров, генералов, монарха, — не просто убийца, но герой-мученик, меняющий ход истории по своей воле.

Да, на уровне теории это было некорректно. Однако не первый раз корректностью пренебрегали ради эффективности.

Закономерно также, что когда представители другого социалистического течения — русские сторонники К. Маркса, социал-демократы — затеяли полемику с народниками (а затем и эсерами), их публицистические кампании были направлены против концепции «героев» и «толпы».

Ставя народникам и эсерам в вину индивидуализм, марксисты тем самым дискредитировали своих оппонентов как социалистов. Дискредитировали их пропагандистские установки, столь привлекательные для радикалистски настроенной молодежи. И этим утверждали себя в качестве истинных социалистов.

Практически каждый претендент на роль идейного лидера социал-демократов полагал необходимым дать полемическую оценку концепции *героической личности*, концепции «героев» и «толпы». В полемике с этой концепцией и завоевывался авторитет теоретика, обязательный для лидера партии. Лидер партии — прежде всего — идеолог. Вопросы чисто административные считались второстепенными. Настоящий лидер должен был утвердиться в качестве теоретика. Г.В. Плеханов стал лидером социал-демократов, завоевав — немалыми стараниями — авторитет идеолога. К началу XX века, например, среди социал-демократов классической считалась его работа «К вопросу о роли личности в истории», впервые опубликованная в 1898 году.

Характерно, что и В.И. Ленин, претендовавший в 1890-е годы на роль теоретика, тоже полемизировал именно с народниками. Об этом его книга «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?». Написанная в 1894 году и тиражированная кустарным образом (на гектографе), она стала довольно известной в марксистских кругах.

Доказывая, что Михайловский — в качестве критика Маркса — несостоятелен, Ленин инкриминировал оппоненту непонимание социализма. Не упустил и случай напомнить о концепции «героя» и «толпы»: «Извольте видеть — вопрос о том, из борьбы каких именно классов и на какой почве складывается современная русская действительность, — для г. Михайловского, вероятно, слишком общий. Зато вопрос о том, какие отношения существуют между героем и толпой, безразлично, есть ли это толпа рабочих, крестьян, фабрикантов, помещиков, — такой вопрос его крайне интересует»¹⁶.

Конечно, до популярности плехановских трудов ленинской книге было тогда далеко. Самым авторитетным критиком народничества Ленина признают гораздо позже. Но одну из поставленных задач автор сумел тогда решить. В нем увидели именно теоретика. Стало быть — одного из марксистских лидеров.

Марксистские обвинения в приверженности народников идее *героической личности* актуализовались вскоре еще и по той причине, что начало XX века в России — период увлечения философией Ф. Ницше.

О Ницше спорили тогда даже гимназисты, заглавия его книг стали фразеологизмами (например, «по ту сторону добра и зла»), введенные Ницше термины («сверхчеловек», «мораль слабых») были настолько широко известны, что в периодике они приводились не только без библиографической ссылки, но и без упоминания имени автора.

Суждения популярного философа использовали тогда и русские марксисты, хотя нищезанство для них — эталон индивидуализма.

Показательна в этом отношении вышедшая в 1901 году книга тогда еще «пламенного марксиста» Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском».

Как явствует из самого заглавия, вся книга — в новых условиях освоения российскими интеллектуалами нищезанства — полемика с Михайловским. Которому вновь ставился в вину индивидуализм.

Первый объект бердяевской атаки — термин *герой*. С учетом того, что Михайловскому невозможно приписать *культ героев*, Бердяев, обосновывая свое негативное отношение к термину *герой*, для начала лишь маскировал антикарлейлевскую направленность тезисов Михайловского.

Бердяев словно бы и не замечал отчетливо негативное отношение Михайловского к термину: «“Герой” г. Михайловского не есть ни личность вообще, т. е. личность как типический социологический элемент, ни великая личность, ни критически мыслящая личность, под которой у нас понимается интеллигенция»¹⁷.

Расправившись с термином *герой*, Бердяев, опять же при помощи типично марксистских полемических приемов, приступил к дискредитации термина, использованного Михайловским для обозначения своего рода идеала. Бердяев дискредитировал термин *личность*: «Верховенствующая “личность” г. Михайловского — это идеальное отражение личности мелкого производителя, стремящегося самостоятельно удовлетворить свои потребности на почве натурального хозяйства, но русская действительность тут преломляется в голове талантливого русского интеллигента, который вносит в идеал свои специфические интеллигентские черты»¹⁸.

Согласно Бердяеву, *личность*, превозносимая Михайловским как цель прогресса, — всего-навсего обыватель. Да, энергичный, самостоятельный. Но — обыватель. Индивидуалист, работающий на себя. Социализм ему не нужен. Получилось, что термин *личность* неудачен, как и термин *герой*. Михайловский — по Бердяеву — и тут ошибся в выборе. Михайловский, соответственно, не социалист. Он лишь мнил себя социалистом, хотя на самом деле пропагандировал индивидуализм. И единственное, что его оправдывало, — искренность: Михайловский искренне заблуждался.

Однако некоторая неопределенность суждений Михайловского о *героической личности*, неопределенность, обусловленная вышеупомя-

нутой пропагандистской прагматикой, Бердяеву была удобна. Критикуя корифея народничества, Бердяев пытался в свою очередь использовать пафос индивидуализма. Использовать для увеличения популярности марксизма, сглаживая противоречия марксизма и ницшеанства.

Вот почему и автор предисловия к бердяевской книге — П.Б. Струве, тоже марксист тогда, — отмечал, что ницшеанство вовсе не следует отвергать полностью. Рассуждая о Ницше, Струве постоянно употреблял понятие *культ*: «Бесконечный и духовный, поистине религиозный культ сверхчеловека нельзя мыслить в конечных и материальных формах “хищного животного”. Только культ “хищного животного”, культ животной силы приводил Нитцше к “господской” морали; культ же сверхчеловека выше эмпирического противоречия между господином и рабом»¹⁹.

По Струве, «культ сверхчеловека», «культ животной силы» — это, бесспорно, плохо. А вот ницшеанский «культ идеала» — хорошо. Плохое нужно отбросить, хорошее — использовать: «В Нитцше необходимо выбирать между культом силы и культом идеала»²⁰.

Стало быть, по мнению Бердяева и Струве, популярное ницшеанство, если его умело толковать, — марксистам не помеха, а подспорье.

Тактика Бердяева и Струве диктовалась желанием пропагандистски реформировать марксизм. Но «ортодоксы» плехановского толка, в том числе и Ленин, были осторожнее реформаторов.

Теоретически социализм все же тождествен коллективизму, потому удобнее было толковать термины *личность* и *культ* в качестве своего рода эмблем оппозирующих марксизму русских интеллигентов. Что позволяло, в частности, уравнивать интеллигентов с поклонниками Ницше и прочих одиозных — для социалистов — проповедников индивидуализма.

В итоге к началу XX века термины *личность* и *культ* уже рядом. А вскоре и словосочетание *культ личности* становится фразеологизмом. Обычно имеется в виду индивидуализм, доходящий в своем крайнем проявлении до абсолютного произвола. Что и отмечала Л.Я. Гинзбург.

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ: УТВЕРЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ

В 1900-е годы словосочетание *культ личности* использовали даже авторы учебных пособий для средних и высших учебных заведений Российской империи. Особенно когда речь идет о романтизме, чье философское наследие часто осмысливается в новых терминах.

Например, о *культе личности*, присущем романтикам и постро-мантикам, рассуждал П.С. Коган, автор неоднократно переиздававшего трехтомного университетского курса «Очерки по истории западноевропейской литературы», первый том которого был опубликован в 1903 году.

По мнению Когана, концептуальная основа романтизма — индивидуализм. Точнее: «идея индивидуализма, доведенная до крайности, почти до абсурда»²¹.

В этом, полагал Коган, причина популярности романтизма «с его культом личности, с его историческими и народническими стремлениями»²².

Народничество здесь упомянуто вполне правомерно: Коган неоднократно подчеркивал, что крайним индивидуализмом отнюдь не подразумевается отказ от самоотречения, даже самопожертвования, гибели индивидуума ради блага большинства. А самопожертвование и пропагандировалось народниками. Отсюда, по мнению Когана, популярность среди народников идей Ницше.

Характеризуя учение Ницше о «сверхчеловеке», Коган указывал: «Сверхчеловек, это — идея вечного стремления вперед, это — дух мятежа, не позволяющий избранным и сильным успокоиться на существующих основах жизни, это — вечное восстание против господствующих ценностей, единственный залог поступательного движения человечества»²³.

Что же касается связей ницшеанства и народничества, Коган подчеркивал: «Осуществлять себя — это значит одновременно создавать ту борьбу, из которой вырастает более совершенное поколение. Вот в каком пункте примиряется в ницшеанском учении проповедь голого эгоизма с проповедью отречения и жертвы, культ самодовлеющей личности и идея высшей цели. В учении Ницше борьба за свое “я”, жестокое уничтожение всего, что стоит на пути, служат не целям наслаждения, а являются суровым долгом, великим страданием и смертью в интересах будущего человечества».

По мнению Когана, ницшеанство в России, как и в Европе, вульгаризовано усилиями литераторов: «Ницшеанец стал типом. Званием сверхчеловека облекали всякого, кто следовал своим инстинктам и кто хотел облагородить свои похотливые или иные чувства колоритом высших стремлений. Сверхчеловеком считал себя всякий разрушитель, прямолинейно усвоивший идею Ницше о том, что разрушение есть созидание. Одни увидели центр ницшеанства в проповеди служе-

ния своему “я” и его инстинктам, другие в проповеди гордого страдания и смерти».

А потому, отмечал Коган, «сверхчеловеками» провозглашались «и распущенные рабы похотливых инстинктов, и мрачные фанатики, страдающие и гибнущие во имя высших стремлений к будущей совершенной жизни»²⁴.

В сочинениях Когана термин *культ личности* — обиходный, пояснять его не было нужды.

Когановские «Очерки по истории западноевропейской литературы» использовались не только студентами. Прилежным читателем их был и Сталин. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранился некогда принадлежавший Сталину экземпляр первого тома издания 1909 года, где на некоторых страницах — сталинские пометы. Так что с термином *культ личности*, равным образом с традицией соответствующего использования термина, Сталин мог ознакомиться по университетскому курсу²⁵.

О *культе личности* писал и В.Ф. Саводник. Его книга «Очерки по истории русской культуры XIX века» использовалась как гимназическое учебное пособие и выдержала с 1906 года двенадцать изданий.

Саводник, безусловно, разделял понятия *культ личности* и *культ какого-либо поименованного лица*, т. е. *культ кого-либо*. Так, описывая некоторые этапы истории романтизма, он сообщал: «В первой половине XVIII века возникает настоящий *культ Шекспира*»²⁶.

Затем, говоря о творческих установках ранних романтиков, Саводник приводил и термин *культ личности*. К термину, выделенному в тексте курсивом, Саводник считал нужным дать минимальное пояснение: «Отстаивая в литературе принцип свободы творчества, романтики на место отвлеченных “правил” ставили *личное* вдохновение. Эта замена является совершенно естественным следствием того *культа личности (индивидуализма)*, который представлял собой одну из отличительных черт всей романтической эпохи»²⁷.

Далее словосочетание *культ личности* приводилось уже без пояснений. Например, характеризуя литературный процесс начала XIX века, Саводник указывал: «Форма проявления романтического индивидуализма есть культ сильной личности, культ героев. Наиболее яркое проявление этот культ нашел в поэзии Байрона»²⁸.

В тех же терминах описывалась и проблематика художественных произведений эпохи романтизма: «Культ личности приводил романтиков к сознанию разлада между “героем” и окружающей общественной средой. Насколько высоко ставили они “героя”, настолько пре-

зрительно относились они к обществу, которое в их глазах становилось ничтожной “толпой”, не заслуживающей никакого внимания и уважения».

По словам Саводника, «излюбленным “героям” прощались даже преступления и злодеяния, направленные против общественных законов: “благородный злодей”, мстящий обществу за царящую в нем неправду, становится обычной фигурой в литературе»²⁹.

Употребляли термин *культ личности* и писатели, причем тоже без пояснений.

К примеру, Л.Н. Толстой, согласно дневниковой записи его биографа — А.Б. Гольденвейзера — 20 июля 1904 года говорил о *культе личности* в творчестве М. Горького. Контекст был биографу очевиден: об индивидуализме в литературе тогда писали повсеместно, а связь ранних («босых») произведений Горького с традициями романтизма и постромантизма постоянно подчеркивалась многими критиками.

Аналогично и Андрей Белый использовал термин *культ личности* в статье «Настоящее и будущее русской литературы». Она была написанной в 1907 году, а два года спустя опубликована журналом «Весы».

Рассуждая о традиции символизма, Белый подчеркивал, что именно европейские символисты «несли культ личности в жизнь, культ музыки в поэзию, культ формы в литературу»³⁰.

Кстати, анализируя в уже цитировавшейся выше статье причины неприятия большинством русских интеллигентов идейного наследия Ф.М. Достоевского, Андрей Белый указывал: «Достоевский и русская интеллигенция встретились теперь независимо от формы культов. Культ русской интеллигенции оформился ныне в молитвах о хлебе насущном для народа, форма этого культа претила Достоевскому, он называл этот культ “беснованием”. Культ Достоевского оформился в проповеди православия: форму этого культа русская интеллигенция определяла как “мракобесие”»³¹.

Очевидно, что и Андрей Белый различал понятия *культ личности* и *культ кого-либо*, т. е. *культ некоего поименованного лица*.

Умение различать подобного рода понятия соответствовало уровню даже не университетскому, а гимназическому. Словосочетаний вроде *культ личности Достоевского* или же *культ личности Ницше* не найти в публикациях того времени.

Разумеется, Белый знаком был с народнической идеологией. Также знал о полемике народников и марксистов в связи с понятием *личность*. К примеру, в статье «Фридрих Ницше», которую «Весы» напе-

чатали в 1908 году, подчеркивал: «Индивидуализм в преодолении косности среды у Ницше необходимо отличать от индивидуализма нашего “я”, свободного от косности. Первого рода индивидуализм есть тактический индивидуализм (борьба за право личности); второго рода индивидуализм есть свобода моего “я” (утверждение права личности)»³².

СТАЛИН И КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Возвращаясь к упомянутой выше полемике социал-демократов с другими левыми радикалами — эсерами или анархистами, можно отметить, что в рамках этой полемики само понятие *личность* противопоставлялось понятиям «коллектив», «интересы масс», «интересы общества».

Так, Сталин полемически противопоставил понятия «личность» и «коллектив» («масса») в серии статей под общим заглавием «Анархизм или социализм?» Они публиковались с декабря 1906 года по апрель 1907 года грузинскими газетами «Ахали Дроеба» («Новое время»), «Чвени Цховреба» («Наша жизнь») и «Дро» («Время»). Серия вошла в первый том собрания сочинений, изданный в 1951 году. А для первого тома отбирались — под личным сталинским контролем — именно те сочинения, перевод и публикацию которых Сталин считал первоочередным делом.

В соответствии с социал-демократической традицией, Сталин утверждал: «Краеугольный камень анархизма — личность, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива. По мнению анархизма, освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, ввиду чего его лозунг: “Все для личности”. Краеугольным же камнем марксизма является **масса**, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности. То есть, по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего его лозунг: “Все для массы”. Ясно, что здесь мы имеем два принципа, отрицающие друг друга, а не только тактические разногласия»³³.

При таком подходе термин *культ личности* — элемент заведомо негативной характеристики. Что вполне очевидно, если, несколько модифицировав методику Г. Фреге, выделить *значение* и *смысл* термина *культ личности*.

Значением назовем обозначаемый термином объект или совокупность объектов, охватываемых термином. Ну а **смыслом** — существенные признаки обозначаемого объекта или совокупности объектов, причем именно те признаки, выявление которых непосредственно связано с целью применения самого термина (рис. 3).

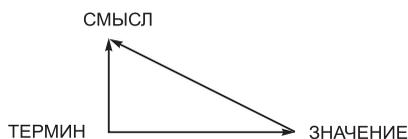

Рисунок 3

Применительно к термину *культ личности* **значение** — право каждого индивидуума считать личность высшей ценностью, самодостаточной ценностью. Ну а **смысл** — индивидуализм, в своем крайнем проявлении доходящий до абсолютного произвола (рис. 4).

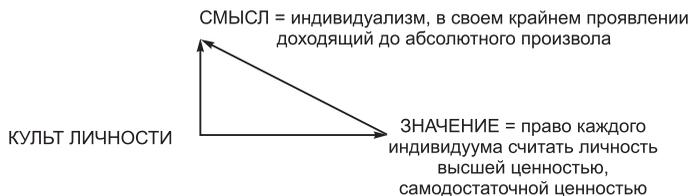

Рисунок 4

Именно в таком истолковании термин *культ личности* был использован авторами книги «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Впервые она была издана в 1938 году. И в IV главе, где анализировалась российская политическая ситуация 1910-х годов, указывалось: «Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. Появилась целая орава модных писателей, которые “критиковали” и “разносили” марксизм, оплевывали революцию, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом “культа личности”»³⁴.

Очевидно, что здесь негативная окраска термина *культ личности* обусловлена **смыслом**. Имеется в виду индивидуализм, в крайнем своем проявлении доходящий до произвола.

Как известно, эта книга, официально именуемая «Краткий курс истории ВКП (б)», вплоть до XX съезда считалась в СССР наиболее

авторитетным учебным пособием не только по истории партии, но и по советской истории в целом. Вот почему она в обязательном порядке подробнее изучалась всеми советскими студентами и даже школьниками старших классов.

Специальные группы по изучению «Краткого курса ВКП (б)» организовывались на заводах, фабриках и т. д. Особое внимание в процессе изучения «Краткого курса истории ВКП (б)» уделялось именно IV главе, где были сформулированы философские основы марксизма — в **сталинской** трактовке.

Эту главу в свое время штудировали, на нее неоднократно ссылались в выступлениях все, кто после смерти Сталина пытались сформулировать идеологические установки постсталинизма. В IV главе термин *культ личности* использован корректно. Как это и делалось за тридцать с лишним лет до издания «Краткого курса истории ВКП (б)».

Однако в докладе Хрущева термин *культ личности* использован иначе.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ

По свидетельствам современников, официально термин *культ личности* применительно к Сталину был впервые использован Г.М. Маленковым.

Согласно записям секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова, вечером 10 марта 1953 года — на следующий день после похорон Сталина — Маленков созвал заседание Президиума ЦК КПСС, где заявил, что в прошлом «были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности».

Выступление Маленкова Поспелов не стенографировал, но, похоже, соответствующие фразы он тогда записал довольно точно. Сообщив о «ненормальностях», Маленков потребовал «прекратить политику культа личности».

Судя по записям Поспелова, так и не указал Маленков, о чем или о ком конкретно идет речь. Лишь из контекста следовало, что понятие *культ личности* соотнесено с необходимостью прекратить многолетнюю кампанию восхваления Сталина.

Поспелову было поручено обеспечить контроль прессы. Вызванные тогда же в ЦК КПСС редакторы центральных газет и журналов получили соответствующие инструкции к публикации материалов, где упоминался Сталин³⁵.

Таким образом, Маленков использовал термин *культ личности*, дабы не сказать *культ Сталина*. И вышколенные подчиненные сразу догадались, что подразумевал начальник.

Причины, обусловившие выбор термина, очевидны: Маленков, говоря о необходимости прекратить кампанию восхваления Сталина, старался не упоминать о Сталине.

Оборот *культ Сталина* был бы явно неуместным. Вполне вероятно, что собеседникам он показался бы дерзостью, а то и вовсе кощунством. Потому Маленков и нашел иной вариант — *культ личности*. Без упоминания имени.

Слово *личность* функционально заменяло здесь имя. То имя, которое Маленков не желал произносить.

Нет оснований сомневаться, что Маленкову было известно значение термина *культ личности* в русской литературной и философской традиции. Даже если пятидесятилетний партийный функционер, некогда учившийся в классической гимназии, позабыл бы начисто гимназический курс истории русской литературы, саводниковский курс, то уж точно не забыл IV главу «Краткого курса истории ВКП (б)».

Термин *культ личности* — явно оттуда. Потому-то у собеседников Маленкова термин, что называется, на слуху. Только вот истолкование термина стало другим.

Изменилось **значение**. Теперь это *многолетняя кампания восхваления, чуть ли не обожествления Сталина*. Изменился и **смысл**. Теперь это «крупные ненормальности» — *нарушение принципов партийной политики* (рис. 5).

Рисунок 5

Вряд ли подчиненные Маленкова не заметили подмены. Но контекст был тут лучшей подсказкой. А возражений Маленков мог не опасаться.

Нужный термин был найден и, похоже, найден интуитивно. Он позволял обойтись без упоминания имени. Таково главное достоинство новации.